

*К 95-летию образования целинного
посёлка Садовый в Краснозёрском
районе Новосибирской области*

Евдокия лежала на кровати тихая и безмолвная. Родственники, которых она собрала попрощаться перед смертью, суетились по хозяйству, шёпотом переговариваясь между собой. Атмосфера в доме царила спокойная. Умирала Евдокия четвёртый раз. Родня, побросав все дела, покорно собралась в доме «болезной», боясь ослушаться. А бояться было чего.

В старину было как? Только заметили в человеке какую-нибудь необъяснимость, тут оно и есть – колдовство!

За Евдокией давно «ходила» дурная слава, хотя «шибко» плохого она людям ничего и не делала. Вот и сейчас, шушукаясь по углам, односельчане, тоном знающего человека, вещали – не помрёт проклятущая ведьма, пока не передаст своё умение – портить людям жизнь. Когда приклеилось это к Евдокии, она уже и сама не помнила. Погоревав немного, научилась с этим жить. А жизнь у Евдокии была – сплошная череда несчастий. Да, впрочем, как и сам факт её рождения, был большим несчастьем для всей семьи.

– Тринадцатый рот, – бурчала сварливая старуха вместо того, чтобы поздравить измученную роженицу с окончанием родов. Старуха понимала, что Мотька дня через два-три уйдёт в поле на работу, и всё это «горластое» счастье свалится на неё. Двенадцать душ вынянчила она, за что невестка была ей благодарна, но время брало своё – уже и руки и «не держат и ноги не ходят».

Шёл 1933 год. Государство проводило политические ограничения церкви и утверждение атеизма, но баба Саша всё-таки нашла в соседней деревне повитуху, которая согласилась окрестить Евдокию.

– Может, спокойнее станет оглашенная, – с такими словами, замотав девятимесячную девочку, потащила старуха ребёнка в соседнюю деревню. Но и там не всё пошло гладко: в самый ответственный момент, когда повитуха низко наклонилась над ребёнком, что-то бормоча и бесконечно плюясь через левое плечо, любознательная Евдокия, увидев такую «образину», вцепилась в седые волосы повитухи, смеясь и дрыгая ногами, неоднократно съездила бабе-повитухе по лицу. Последняя издала истошный крик, выронила дитя, и со словами – черти её возьмите – не захотела проводить обряд до конца. Баба Саша, полностью сняв с себя обязанность по воспитанию последней внучки, переложила её на старших детей. Несмотря на всё, Евдокия росла крепким ребёнком, и это в то время, когда страшная болезнь унесла семь её братьев и сестер. Умерла и баба Саша. Когда Евдокии исполнилось пять лет, её саму, ещё дитя, отправили работать в няньки в чужие семьи. Вот тут-то и начали замечать люди, что-то не то творится с Дуськой!

– Такая маленькая, а всё у неё получается ладно, – шептала одна соседка.

– Видно, черти ей люльку колышут, – вторила другая. А третья вообще своими глазами видела, как Дуська неслась босиком через луг во весь опор, наперегонки с нечистой силой. А в старые-то времена к нечистой силе всякую небылицу «притуляли». Чей-то злой язык и назвал её в ту пору ведьмой, назвал, так с размаху-то и прилепил. Разное болтали. Кто соврёт, кто подкинет, а кто раздует.

Вот и выходило: могла она в единый миг оборотиться чёрной кошкой или колесом от телеги, а то и вовсе старухой оборотиться и ходить ночью по деревне в окна заглядывать.

Росла Евдокия статной девкой, красивой во всех отношениях. Местные парни, не хотели всю свою жизнь жить с ведьмой, обходили её стороной. Изрядно пересидев в девках, дождалась-таки Евдокия своего счастья, выйдя замуж за парня, который приехал в наши края осваивать целинные земли. В ту пору много понаехало к нам в село и девчат – молодых учителей, и парней – знатных механизаторов, приезжали люди и семьями. Трудолюбивая Евдокия была хорошей хозяйкой: и в доме чисто, и в огороде ни соринки, в сарае велась всякая живность. А местные сударушки и в этом нашли подвох.

– У Дуськи черти ночами грядки пропалывают да цыпят в гнёздах высиживают, – шептались всезнающие соседки. Подслушав однажды такие речи, местные ребята, любители ночных вылазок в чужие огороды, решили на спор наведаться к бабе Дусе в огуречник.

То ли Евдокия и вправду чего умела, а может, по случайности, решила она ночь посидеть в огуречнике, подкараулить да проучить местных сорванцов. Ни то чтобы ей огурцов было жалко, да повытопчут окаянные все плети, а потом хоть поливай, хоть плюй – толку нет! Чтобы не замёрзнуть, одела она на себя старый зипун и уселась в малиннике, ожидая непрощенных гостей. Стемнело, вышел месяц, звёзды рассыпались по небу. Трое самых смелых парней, перепрыгнув через забор огуречника Евдокии, принялись шарить в темноте руками по грядкам и набивать карманы огурцами.

– А! А! Черти вас побери! – заорала полная решимости Евдокия и выскочила из своего укрытия.

Что тут началось. Сбивая друг друга с ног, ребятня бросилась к спасительному забору. Но перепрыгнуть его удалось не сразу, забор словно рос из-под земли, становился выше и выше. Цепляясь за колья и гвозди одеждой, с дикой яростью, выбрасывая огурцы из карманов, рвались на свободу, наконец,

преодолев препятствие, парни бросились врассыпную. Надо сказать, что дом Евдокии стоит на перекрёстке двух дорог, одна из которых ведёт к местному кладбищу, делая обычным переулком днём, ночью немного зловещим. Один из воришек побежал по улице к своему дому, и, как он утверждал, всю дорогу за ним гналась чёрная кошка с зелёными глазами, которая в конце погони всё-таки прыгнула ему на спину, оставив отметины от когтей. Другой побежал в сторону здания сельского совета, подумав, что нечистая сила побоится развевающегося флага на крыше здания администрации. По мере удаления от дома Евдокии, за каждым столбом ему мерещилась злобная старуха, зловеще угрожавшая ему клюкой. На крыльце сельского совета сидеть ему пришлось до утра. С первыми лучами солнца внутренний страх был побеждён, и горемыка побрёл домой. Третьему пришлось хуже всех: с перепуга он побежал в сторону кладбища, за ним со страшным скрипом катилось колесо от телеги. Когда он увидел впереди себя кресты, возвышающиеся над холмиками могил, резко свернул в картофельное поле, что располагалось сбоку дороги. Долго бежал по полю, пока ноги его не запутались в картофельной ботве. Уткнувшись в землю, закрыв голову руками, как при бомбёжке, он отчаянно пытался вспомнить хоть строчку из молитвы «Отче наш».

– Господи! Если останусь жив, никогда больше не полезу в чужой огород! – шептал без остановки парень, боясь закрыть глаза.

К утру ночное происшествие разнеслось по округе, и Евдокия узнала о себе много нового. Все трое утверждали, что ведьма гналась именно за ним. Но не разорвалась же на троих баба Дуся!

Колдовала ли баба Дуся – не знаю, а вот глаз у неё точно был «худой». Увидит, что у соседки много цыплят курица во-

дит – похвалит. Всё! За неделю все передохнут. Или в огороде хороший урожай заколосится – не дай бог Дуське заглянуть, либо сгниёт, либо червяк поест. На всякий случай люди, проходя мимо её дома, в кармане дулю изображали, чтоб не сглазила, не навредила. Побаивались Евдокию даже самые склочные женщины нашей деревни.

– Баба Дуся, а ты вправду ведьма? – пытали её внуки.

– Да если б я что умела, да разве ж я себе такую жизнь наколдовала? Мужа схоронила, сыночка одного-единственного не доглядела – в петлю головушку сунул. Сама всю жизнь спину гну, чтоб достаток был.

Одна радость у Евдокии осталась – внуки да правнуки. Сноха Екатерина, хоть и вышла замуж второй раз, но Евдокию сама уважала и детям, и внукам наказывала с почтением относиться к пожилой женщине.

Пролежала Евдокия неделю, хворь начала отступать, в голову полезли мысли о том, что неплохо бы было увидеть, как правнучка Настя пойдёт в первый класс, как два огромных белых банта украсят её белокурую головку. Кого принесёт в этом году её коза Зинка? Уродит ли картошка? Видать, не пришло ещё моё время помирать, – это была последняя мысль, которая посетила Евдокию.

– Екатерина, – тихо позвала Евдокия сноху, – обедать-то будем сегодня?

... Беспомощная старушка, с тросточкой в руке, тяжело передвигая ноги, медленно идёт по дороге. Односельчане, почтительно здороваясь, по привычке изображают дулю в кармане. Так, на всякий случай.